

Анна САФРОНОВА

МНОГО ГОЛОСОВ

Филипп Дзядко. Радио Мартын.

<https://docs.google.com/document/d/1iZm0Kz8YHNA80mRU7RJ4nA-bflkgzvj2wo7gCdCnniQ/edit>

В пространстве этого романа можно двигаться, кажется, бесконечно в самых разных направлениях – как, собственно, движется само повествование. Одно из самых увлекательных занятий – опознавать цитаты: они порой растворены в тексте, в большинстве случаев автор не называет имен. «Лето знойное. С грозowymi тучами. Опаленной землей. С синим небом. Со спелым хлебом» (это М.Ф. Ларионов. Времена года, 1911); «...что мы встречались где-то: мне так знаком сосок твой и белье» (Аронзон); «А впереди идет эта женщина, которую знает каждый из нас, И сияет белизной, чтобы мы уразумели...» (текст самой известной песни «Цепеллинов» в переводе Кормильцева); «Не говори никому. Все, что знаешь, забудь: птицу, старуху, тюрьму или еще что-нибудь...» (Мандельштам); «Было вроде кораблика, ялика, Воробья на пустом гамаке...» (Гандлевский); «Если шею мне свернешь, Раньше времени умрешь» (Гауф. «Карлик Нос»); «Пльиви, рыба, пльиви – вот острова твои, что с твоею травой, вот и твой рулевой...» (Жадан); «Протест сегодня бесполезный, – Победы завтрашней залог» (Георгий Иванов); «Возле своей Мессины новый найдешь приют...» (Михаил Айзенберг); «Еще у меня есть претензия, что я не цветок, не гортензия» (Введенский); «Из дома вышел человек С дубинкой и мешком» (Хармс); «Бывают ночи: только лягу, В Россию поплывет кровать...» (Набоков); «Наступает вселенское зло, и отряды зубастых влагалищ неизбежно берут нас в кольцо...» (Юлий Гуголев)... И много-много, не перечислить, плюс отсылки к музыке, философии и др. Иногда имена называются вне прямой связи с цитатами: Иван Ахметьев, Дашевский, Рубинштейн, Степанова, ряд очень объемный.

Это голоса со всего мира, в романе они звучат с неангажированных площадок и из свободных уст, и им противостоит имперская тьма, как и положено в антиутопии – а перед нами именно роман-антиутопия, создававшийся в течение десяти лет. На бумаге его пока не существует, есть только электронная версия. Вот что об этом в предуведомлении говорит сам Филипп Дзядко: «...22 февраля я должен был внести финальную правку и отправить роман в издательства, которые проявили интерес. И хотя эта книга еще нуждается в редакторской работе, я думаю: надо отпустить ее и выложить уже сейчас – для всех, кому до нее может быть дело, кого она может поддержать. Если вообще сейчас может быть дело до книг.

Что такое литература в изменившемся мире, мы еще не знаем. Может быть, она должна заново подумать о том, зачем она, какой она должна быть. Я не знаю. Возможно, кто-то прочитает и вспомнит: любовь сильнее всего. Возможно, кому-то удастся ненадолго отвлечься. А кто-то услышит в книге дружеский голос. Я буду счастлив, если эта книга сделает чей-то день чуть легче».

Отсылки к разным культурным пластам, конечно, явлены не только на уровне цитат, всё гораздо сложнее; при этом как-то чувствуется, что автор не проявляет высокомерия, насыщая повествование коннотациями. Напротив – даже если что-то «не считается», текст не кажется неподъемно сложным, он демократичен, если можно так выразиться. И вероятно, мог бы восприниматься как страшно-ужасная сказка (собственно, как классическая антиутопия) – если б не нынешняя реальность, которая этой возможности нас лишила: «...страна, очутившаяся во всех страшных сказках сразу, например в сказке об украденном времени, о городе, ушедшем под воду, о людях, застывших в полудвижении».

Главный герой, Мартын – отчасти родом из сказки Гауфа: карлик с огромным носом, при этом он не родился таким, он заколдован. Хозяиничает в его квартире «ведьма» Тамара, ворожащая над всякими травками, Мартын натирает полы в коридоре, стеклянный потолок в ее комнате, бегаёт за продуктами, но при этом – она «добра» к нему; она устраивает его на работу на официальный радиоканал.

У Мартына нарушен слух, без своего «аппаратика» он не слышит высоких частот, что, с одной стороны, делает его уязвимым, с другой – более защищенным от обволакивания тотальной пропагандой, и он способен слушать (и записывать) иные голоса. Есть еще заведение «Пропилеи», где раз в неделю дежурит Мартын, – с хозяином Меркуцио (Шекспир витает в романе), о котором герой сообщает: «Мы говорили стихами восемьдесят четыре часа, и каждые две минуты он глотал стопку, запивая ее эспрессо».

Повествование динамичное, но неспешное, события описываются нелинейно, но в финале все сходится в одну точку.

Вот Мартын волею случая (или судьбы) становится обладателем писем из прошлого, не доставленных в свое время адресату – письма времен Первой и Второй мировых войн, сталинской эпохи. Так в романе образуется документальный пласт – именно документальный, непридуманый, ибо, как поясняет в ссылке автор, «все письма, за редкими исключениями, были куплены на блошиных рынках или в онлайн-магазинах. Они публикуются с сокращениями и с сохранением авторской орфографии и пунктуации». При этом подлинники свидетельства в художественную ткань вплетаются органично, непротиворечиво. Мартын делается добровольным почтальоном, он осуществляет связь времен-поколений – это как бы отдельная (и не единственная отдельная, их множество) линия в сюжете, и без нее невозможно.

Письма Мартыну очень пригодятся, они должны стать частью программы свободного «радио NN», куда – опять же волею случая-судьбы – попадает Мартын, изгнанный с официального радио «Россия всегда». Цель его новых коллег, «изумрудных» людей, – прорваться в поле мертвого эфира, ворваться с человеческими, а не «пластиковыми» словами, с живой музыкой, стихами – всем тем, что дает представление о личной ценности человека и его памяти, тем, что всегда в антиутопиях противопоставляется государственной машине, – и с теми же письмами: «...мы произносим слова, которые, как все думали, не существуют, написанные людьми, которые, как все думают, умерли, отправленные людям, которые, скорее всего, забыты. Мы произносим их слова и воскрешаем их. Какая разница, как и когда письмо доставлено? Самое важное, что его звук поселится среди нас. Научит людей снова чувствовать. Это и есть смысл всего того, что мы делаем».

Финал приближается, герой преобразуется. Он – обаятельный, беззащитный, простодушный карлик с длинным носом – по наивной болтливости сдает своих друзей государству. Погиб бы и сам, если бы не преданный друг Меркуцио. Осознание факта предательства как бы убивает прежнего Мартына и рождает другого, колдовство спадает: «Я чувствовал, как распрямляется грудь, как тает мой горб, переходя в руки, а руки вытягиваются и шея, моя шея, удлиняется, становится шеей, а не тем, что было со мной почти всю жизнь. И главное – нос. Я дотронулся до него: он уже не был длинной скукоженной веткой, он исчезал. Огромные уши уменьшались, и левое ухо старалось выплюнуть аппаратик. Почти без колебаний я вынул его из уха».

Теперь, когда больше нет «радио NN» – наступает «радио Мартын».

И наступает... Нет, воздержимся от спойлера. Последние сцены фантазмагоричны: «Да, в город вышли все. Веселые, как боги, люди, родившиеся в нулевые, пьяные вдрабадан циклопы, великаны всех национальностей, обнаженные сирены, размахивающие лотосами... Пока мы шли и бежали, я встретил десятки – нет, сотни диковинных существ».

Конечно, это самый общий, поверхностный рассказ о романе, а сколько всего в деталях... Пожелаем книге читателя, а автору удачи.